

Алексей Митрофанов
Маленький клоп

Роман о дружбе

Алексей Митрофанов Маленький клоп. Роман о дружбе

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24051285
ISBN 9785448516290*

Аннотация

В прибалтийском городе Светлогорске совершается убийство. Под подозрением оказывается беспомощная, практически слепая девушка Инесса. Нужно снять с нее все подозрения. В этом ей помогает один из отдыхающих, литератор Кирилл. Это книга о дружбе, об ответственности, о человечности, о порядочности. Словом, о том, чего нам так не хватает в нашей повседневности.

Маленький клоп

Роман о дружбе

Алексей Митрофанов

© Алексей Митрофанов, 2019

ISBN 978-5-4485-1629-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero
Для начала небольшое пояснение. Город Светлогорск на самом деле существует. Он находится в Калининградской области и омывается водами Балтики. Светлогорск стоит на дюне – проще говоря, на большой куче зыбучего песка. С каждым годом светлогорский пляж становится на несколько десятков сантиметров уже. В ближайшем будущем он должен полностью исчезнуть – тогда дюна рухнет в Балтику, и город прекратит свое существование. Сейчас же это процветающий морской курорт.

Объекты туристической инфраструктуры частью существуют, частью выдуманы. Персонажи выдуманы все, как, впрочем, и события. За исключением, увы, случившегося в 1972 году.

1.

Терпеть не могу этих рыб.

Нет, вообще против аквариумных рыбок я, конечно, не имею ничего. Особенно мне эти нравятся – не знаю, как зовут. Такие страшные, будто морские черти. В смысле, аквариумные. Бугристые, коряжистые, все в пупырьях. Жуть. Сила. Красота подводных мышц. Впрочем, каких там мышц. Так, чешуя.

А эти – пакость. Губошлепы. Присосется к стеклу своей пастью и губами шевелит, будто целуется. С кем? Со мной? И все нутро наружу. В общем, скверная рыба. Скабрзная.

И вообще, я ненавижу губошлепов. Может, потому что сам такой.

Хотя какой я губошлеп. Нет, я не губошлеп. Я Кирилл Саратов, человек с редким именем и вообще уникальной фамилией. Нас, Саратовых, на всей земле несколько человек всего и есть. Все, разумеется, в России. Вроде когда-то наш род назывался Саратовские, но одному из моих предков чудилась в своей фамилии некая местечковость. И когда ему паспорт выписывали, он назвался Саратовым.

Клоун.

С тех пор мы – Саратовы.

Так вот, не губошлеп я никакой. А кто – не знаю. Нет такой профессии. Вроде бы и пишу, но не писатель. Писатель – это когда мировая слава, творческие вечера, букеры, антибукеры. А у меня только членство в Союзе. Публикуюсь

в журналах, но не журналист. Журналист – это разоблачения, всяческие громкие расследования. Или черный пиар. Или интервью, в конце концов. Но тоже – слава. Вроде бы истфак закончил. Но, конечно, не историк, нет. Историк – это когда научная среда, всякие новые концепции, докторская, и не колбаса, а диссертация, серенький костюм, безумный взгляд, институтская кафедра, экзаменационная сессия, пошлая архаичность, всякие «ну-с, молодой человек». Взятки опять же со студентов.

Хотя вру – есть такая профессия, есть. Называется «литературный поденщик».

Но я не губошлеп. Какой я губошлеп? Вот отдыхаю в Светлогорске. Да, не Швейцария. Но большинство таких поденщиков сидят сейчас по подмосковным развалюхам и кормят подмосковных комаров. А я кормлю балтийских. Дышу морским воздухом. Хожу в сырых штанах – этот июль особенно дождливый. Пью «Капитан Морган», ром ямайский. Мороженое вот. Вторая порция.

Наверное, еще сто пятьдесят, и подведем итог. Утром – пиво, но оно не в счет. Как обычно, думал пивом ограничиться, но теплое оно было какое-то, противное и горькое. Вообще в «Белую лошадь» больше не пойду. Взял водки. Двести, потом сто, потом сто пятьдесят. На пляже – бутылка шампанского, но это не в счет. Вечером – триста водки в «Ветерке», затем двести, нет, двести пятьдесят в «Вике», и тут двести рома с мороженым, и еще будет сто пятьдесят.

Литр триста пятьдесят. Это кроме того, что не в счет. Да, не слабо, конечно, но и не личный рекорд, это уж будьте покойны.

Ну, ничего. Здесь морской воздух, полезный.

Так. Снова этот дядечка. Сейчас, как пить дать, подойдет. Я еще, когда с самого начала с ним столкнулся, понял: так просто дело не закончится. Хотя он всего лишь на меня посмотрел. Но как посмотрел! Нет, не агрессивно, ничего такого не было. Просто взглядом человека, который вдруг понял, что именно ему в жизни нужно. Притом, как оказалось, нужно не от кого-нибудь, а от тебя. И он свое возьмет, как будьте-здрасьте.

Он, впрочем, и сейчас не агрессивный. Только пьяный очень. Хотя вроде и не пахнет от него. Так. Сел напротив. Очень мило. Смотрит. И молчит. Чего молчит? А официанткам хоть бы что. Как будто он мой брат или коллега по работе. Носом не поведут. А знают ведь его: когда я только заходил в это кафе (а мой незванный визави, напротив, уходил), они с ним о чем-то говорили.

Хотя что эти девочки сделают? Их против такого кинг-конга нужно как минимум двадцать, а тут только две.

Так, пока удастся с ним взглядом не встретиться. Глоточек рома, ложечка мороженого, глоток чая. Ну не замечаю я его. Телевизор смотрю. Рыбки опять же. Вот, пакостные.

– Отпустите мне грехи!!!

О как! Грехи отпусти. Что-то новенькое.

– Я вам, знаете ли, не священник. Я обычный отдыхающий. Турист, если хотите. Вы бы завтра в церковь, а? А сегодня уже поздно. Я боюсь, что церковь может не работать.

– Мне нужно очиститься!

Вот это рев. Труба иерихонская. Официантки, разумеется, насторожились. Поди не насторожись, когда весь зал (четыре столика свободных, а три все же занято) глядит на этого очищенного. В смысле, пока что не очищенного.

Ну, а мы в ответ чуть-чуть агрессии. Знай, дескать, наших.

– Послушайте, я вам не унитаз, чтоб вы тут очищались.

Тут, конечно же, официантки перешли к конкретным мерам. Если бы я вел себя как кисинька – что-нибудь блял бы на тему «извините, да мы с вами незнакомы, я любитель одиночества, да и вообще на отдыхе», они б и дальше не шелохнулись. Мало ли чего, сидят себе два собеседника. А «унитаз» – это нехорошо. Слово больно уж неаппетитное, портит имидж кафе.

– Слушайте, мужчина, что вы пристаёте к посетителям?

– Да мне только очиститься.

– Я милицию вызываю.

Ну, зачем же, девушка? Уже ли я не справлюсь с этим воином? Нет, дойди дело до драки, разумеется, не справлюсь. Но ведь он не хочет драки. Он хочет чего-то другого – пока не понятно чего. Но в любом случае, похоже, у меня хватит мозгов с ним разобраться. А вызывать милицию – это, конечно, превышение мер допустимой самообороны. Да еще

какое превышение!

Действительно, звонит.

– Алло, кафе «У Лукоморья» беспокоит. Наряд к нам пришлите, пожалуйста. Да нет, так, мелкое хулиганство.

Все. Теперь дядечке остается только встать и выйти. А девицам объясняться – вызов-то ложным окажется.

Итак, я снова в одиночестве. А вот и наши доблестные кадры.

– Что случилось?

– Да этот... Горилла... Опять приходил. Вот, посетителя пугал.

– Ну и где он?

– Ушел.

Замечательнейший диалог.

– И что нам теперь делать?

Это милиция интересуется.

– Не знаю.

Что ж, каков вопрос, таков ответ.

Пауза.

– Так мы, наверное, тогда поедем...

Боже мой. Агнцы кроткие.

– Если что, вы звоните.

– Хорошо, позвоним.

– Спокойной ночи.

– До свидания.

Полный привет. Хотя на самом деле ничего тут удивитель-

ного. Маленький город, все друг друга знают, все, небось, перероднились, никому никто не пакостит, ну разве спьяну или по особой надобности. Даже милиция живет по этим правилам. Старается, по крайней мере.

Вот, снова губошлеп приплыл. Скучали без него. Мало нам было развлечений. Лучше бы камбалу в аквариум пустили. В память, так сказать, об исторических корнях. Забыли камбалу, забыли матушку. А ведь еще перед войной тут на нее разве что не молились. Камбала, камбала, пташечка, канареечка, жалобно поет. Нет, это не камбала, а соловей. На соловьев тут было наплевать. А камбала – другое дело. Главный промысел жителей земландского полуострова.

И выходили рыбаки в своих шаландах с мачтами. На каждой мачте – свой резной конек. Ну, там, не обязательно конек. Могло быть что угодно – чайник, гребешок, а то и черт хвостатый. А когда возвращались, тетки – жены их – вращали ворот, притягивали эту самую шаланду к берегу. И сразу – камбалу коптить. То есть, сначала ей давали провисеться, а уж потом – пожалуйста в коптильню. Никаких веточек, палочек. Только шишки, и только сосновые. И, конечно же, прусские тетки этим занимались. Мужики в первую очередь по пиву, по сосискам и по шнапсу. Еще бы – герои, добытчики.

Эх, сколько у меня в башке всякого мусора. Высшее историческое, как-никак, это не пес начхал. А между тем второй час ночи. Пора в гостиницу, а то еще чего-нибудь захочется.

Камбалы жареной со шнапсом или губошлепа. Или просто рому. Кстати, повод есть – отпраздновать победу над гориллой. Легкую, надо сказать, победу. Необременительную.

Нет, в гостиницу, в гостиницу. Завтра будет новый день, и сейчас самое время о нем позаботиться.

Все-таки здесь потрясающий воздух. Неужели так вот сразу и в гостиницу? Может, еще прогуляться? Нет, не пить, а просто прогуляться. В конце концов, даже врачи советуют немного прогуляться перед сном.

А фонари-то дохлые. Да и народу никого. Вот тоже мне, курортный город. Хотя он не столько курортный, сколько санаторский. В половине восьмого подъем, водные процедуры, гимнастика, завтрак, электрофорез. Кефир – клистир – сортир. Ну вот, опять я про сортир. Что-то меня заклинило.

Нет, светским променадом здесь не пахнет. А прогуляться хочется. Значит, нужна какая-нибудь цель. И не кафе. Все-таки выпито достаточно.

Пойду-ка на переговорный пункт. В интернет залезу и погоду посмотрю на завтра. Правда, переговорный пункт, по моему, уже закрыт, но это не принципиально. Мне ведь нужен не прогноз, а повод.

Ага. Похоже, жизнь гораздо интереснее, чем я предполагал. Вот он – стоит и ждет. Упорный дядечка. Спасибо, что во мне имеются кило и триста пятьдесят крепких напитков. Без этого, глядишь, и испугался бы. А пугаться в такой ситуации самоубийственно.

Итак, идем ему навстречу. Открытая улыбка. Руки легко растопыриваем. Будто бы я супервайзер сетевого маркетинга и объясню ему сейчас, как похудеть. Хотя чего ему худеть. Там жира нет ни грамма, одни мышцы.

– Так что вам надо-то, скажите, наконец, по-человечески.

– Очиститься!

Нечеловеческий какой-то рев. И руки мне протягивает лодочкой, как для благословления.

– Но ведь я же не священник.

– Так тяжелы мои грехи, что нет им отпущения?

– Нет, почему же тяжелы? Нормально все. Пойдете завтра в церковь. Вам сказать, где церковь или сами разберетесь?

– Отпустите грехи.

Вот зануда. Хорошо. Прикидываться милиционером незаконно. А священником? С моральной точки зрения, конечно, тоже незаконно. Ну а так? Наверно, можно. Он ведь не отстанет.

– Как зовут-то?

– Сергей.

Ну и дальше что делать? Как они вообще-то отпускаются, эти грехи? Он ведь, наверно, знает как. Ишь, ждет стоит. Ах, ладно, была не была.

– Раб божий Сергей, отпускаю грехи твои. Бог прощает тебя, а теперь не грехи.

Вот и все. Ах, да, перекрестить. В какую сторону? Так вроде.

Смотрит. Ждет. Наверное, чего-то не хватает. Вот чего!

Рука.

Облобызали. Обслюнявили. Ну, вроде теперь все в порядке.

– Спасибо, батюшка.

– Да не за что, раб божий Сергей.

– Я теперь пойду?

– Наверное. Спокойной ночи. В добрый час.

Так. Теперь в гостиницу. Шут с ним, с переговорным пунктом. И без интернета обойдемся. Все равно, небось, закрыт.

Ну, вот и все. Замок запираем на ключ, ключ оставляем в щеколде. Стаканчик молока – и спать.

Какое молоко здесь замечательное. Не то, что наши тридцать три старушки всякие. А местные-то привередничают. Калининградское не пьют, литовское им подавай. Останкинского не хотите?

Да, город, конечно, сказочный. Молоко высший класс, ром дешевый, воздух вкусный, милиционеры мирные, а городские сумасшедшие просят всего лишь отпущения грехов.

И еще эта девица. Ну ничего, ее мы завтра разьясим. Город маленький... Все друг друга знают... Маленький город такой... Спать. Спать. Спать.

2.

Ну, доброе утро, Кирилл Ермолаевич.

Можно уже, наверное, считать, что утро наступило. Сколько там? Почти десять часов. Пожалуй, утро. Или нет еще? Да ладно. Утро. Так и быть.

А девица поразительная. Одета, будто десять лет тому назад. Каких там десять – все пятнадцать! Где она только такую одежду берет? Серая курточка, рубашка в клеточку, по-моему, даже мужская. Джинсы вроде бы. Ну да, конечно, джинсы. Были такие в советское время. Назывались «Новинка». Действительно, новинка. Если до этого за джинсами ездили к «Беговой», к фарцовщикам, то тут вдруг они стали продаваться в ГУМе, на законном основании, с законной очередью в полтора часа.

Помнится, эта «Новинка» была страшнее атомной войны. Похоже, у нее такие же.

А волосищи – загляденье. Рыжие, густые, глаз не оторвать. Сидит, в меню уткнулась носом.

Да еще эти очки. Одни на носу, другие на столе разложены. Не очки, а бинокли какие-то. Как она в них видит только? Или наоборот – как видит без них? А впрочем, без очков она, наверное, и не бывает никогда.

Вот чудо из чудес. Сидит, в меню уткнулась почти носом и голову водит из стороны в сторону. Читает так, значит. Строка за строкой, строка за строкой. Вот не повезло девице. Пока меню все прочитаешь от начала до конца, кафе сто раз закроется. Сказала бы сразу, что хочется, дескать, того и того. Ей бы все принесли.

Наверное, не доверяет. Сама выбрать хочет. Официантка к ней уже два раза подходила. Нет, говорит, пока что не готова.

А потом – самое удивительное. Я-то думал, что она сейчас закажет какой-нибудь салат из овощей, куриную лапшу, сосиску с гречкой. То есть типичный набор бедного курортника, который целый год откладывал на отдых в месяц по пятьсот рублей и вот теперь всю эту сумму должен растянуть на две недели.

Но не тут-то было. Салат из семги, бутерброд с черной икрой (именно черной, не придумываю), осетрину, запеченную на сковородке, сто пятьдесят граммов джина (не какого-нибудь, а «Бифитера») и тоник.

Я, например, уложился в более скромную сумму. А она ничего. Одни очки – на стол, другие – на нос. То есть, смена оборудования. Эмпэтри-плеер, наушнички в ушки. И сидит, заказа поджидает.

А ушки, кстати, тоже очень даже ничего. Пока наушнички вставляла, гриву свою прибрала, и можно было насладиться зрелищем, хотя и ненадолго.

Я, значит, теплым пивом водку запиваю, а девица ждет свой царский завтрак. Хотя, это для меня час дня – самое время завтракать, а для нее, наверное, уже обед. Сидит, балдеет, озирается по сторонам. Не знаю, что уж она видит, – может быть, и ничего вообще. Но разглядеть старается. Хмурится все, щурится, и главное, это ее совсем не портит. На-

оборот, какая-то она становится вся милая, беспомощная. Более женственная, что ли. И такая вся довольная. Еще бы – черную икру сейчас ей принесут.

И тут случилось страшное. Светлогорск – город довольно ветреный, тем, собственно, и знаменит. Да и все здешнее побережье такое. Россиянину, воспитанному на различных кримах и кавказах, здесь вообще чудно. Еще лет тому двести назад наш посол Филипп Вигель пугался: «Море, которое отражало мрак облаков, можно было назвать черным, из него высоко поднимались белеющие волны и всей этой картине давали вид совершенно траурный и гробовой».

Он-то думал: курорт.

Вот и вчера с утра уже сифонило, не говоря про дождь. А тут вдруг ветер как рванет, и на ее столе стаканчик пластиковый, легенький, с салфетками – на боковую, покотился и, естественно, упал. Все бы ничего, но по пути он прихватил очки, которые для чтения меню. Ясное дело, они тоже грохнулись.

– Ой!

Девушка сразу сорвалась со стула, на коленки встала, а не видит ничего, руками шарит. Там вообще темно, а уж с ее-то зрением.

Ну, я, конечно, встал, очки подобрал – они тяжелые такие оказались, как она их носит только. И не сплошные, стекла, а особенные – в середине каждого такая будто ямочка для глаза. А она все продолжает шарить, даже и не поняла, что

я уже нашел ее хозяйство. Возвышаюсь, как дурак над ней, не знаю, что и делать, как отдать поделикатнее.

Но так стоять столбом хуже всего.

– Извините, вы тут потеряли... Я нашел... Вот, видите ли. Видит. Что она там видит.

Поднялась, на меня смотрит, а глаза такие маленькие, ведь в очках, которые на ней, ямочки еще меньше, ну а в ямочках глазенки. Глядят на меня и подрагивают.

– Наверное, разбились?

Голосок такой испуганный, совсем не тот, которым она джин заказывала.

– Не волнуйтесь. Все ваше имущество в сохранности и целости. Его спас искусственный ковер, на самом деле страшный и не очень чистый. Так что имущество нуждается в протирке. Если у вас нет чистого платка, то у меня тем более. Могу предложить свежий край своей ти-шотки.

У нее сразу же от сердца отлегло. Опять заулыбалась, так довольно, руку протянула – дескать, ну, давай сюда. И протянула как-то не просительно, и вместе с тем не требовательно. Спокойно так, как будто бы мы сызмальства в одной песочнице играли.

– Огромное, огромное спасибо. Вы меня так выручили. Если бы не вы, то мне пришлось бы лупу покупать, а я не знаю, где они тут продаются. Я вообще посредственно ориентируюсь в пространстве, тем более в незнакомых городах.

– Ну, я ваши очки не склеивал. Спасибо не мне, а ковру. Тем не менее, что же платок?

– Спасибо, у меня он есть.

Тема встречи вроде бы исчерпана. Пора возвращаться к своим возлияниям. А меня словно чертик тянет за язык.

– Простите, а причем тут лупа-то? По моему скромному мнению, Господь послал вам близорукость, а не дальновзоркость. И, опять-таки, по моему скромному мнению, вам следует испытывать проблемы с ценниками в магазинах или же с автобусными номерами, но никак ни с чтением меню и прочей мировой литературы.

– Видите ли, близорукость разная бывает. У меня очень сильные очки, и, соответственно, изображение уменьшается в несколько раз. Буквы сквозь обычные очки, для постоянного ношения, становятся настолько маленькими, что разглядеть их совершенно невозможно, особенно с моим нистагмом. Поэтому для чтения я пользуюсь более слабыми очками. Так можно хотя бы что-то разобрать.

– А лупа?

– В таких случаях некоторые пользуются лупой. Обычные очки плюс лупа рядом с текстом. Но от этого, во-первых, увеличивается дрожание, а во-вторых... С лупой по-старушачьи как-то. Я предпочитаю специальные очки для чтения.

И шут меня сподобил завести этот бестактный, оскорбительно бестактный разговор. Стою красный, как рак, а девушка стоит напротив, и рассказывает мне весь свой анамнез

так спокойно, будто речь идет о ее кошке или там, не знаю, хомячке. Ну ни грамма неловкости.

А тут как раз официантка подошла, с икрой, джином и прочими деликатесами.

– Я вас прекрасно понял. Приступайте к трапезе. Отпразднуйте победу над стихией. Будьте бдительны.

– Огромное спасибо.

И улыбка. Не смущенная, не извиняющаяся и не кривая – дескать, сделал свое дело и уходи, нечего разговоры разговаривать и в душу лезть.

Нет. Самая обычная улыбка. И рубашка в клетку. В красную.

3.

Собственно, все это было вчера. Сегодня новый день. Пока что неизвестно, что он нам подарит.

Куда пойти? На море или завтракать? Видимо, завтракать. Погода, похоже, не пляжная. Дождя вроде бы нет, но ветерок совсем не детский.

Куда пойти учиться? В смысле, завтракать. В смысле, кутим мы сейчас или не кутим. Дешевенькая блинная-самообслуживание или какое-нибудь настоящее кафе с официантками, меню и водкой.

«Белая лошадь»? Нет, туда я больше не ходок. Пиво противное, официантки вялые, половины меню нет в наличии. Да и девица вряд ли постоянно туда ходит.

Хотя что мне до этой девицы? Ну ее. Она небось вообще уехала. Приехала из Кенигсберга на день и уехала уже. Здесь с этим просто. Что ни выходной – столица региона прется в Светлогорск. Погода, непогода – это им без разницы.

Вряд ли, конечно. Не похоже, чтобы просто так она одна приехала на час джинчику выпить. Ну да шут с ней. Город маленький, надо будет – найдемся.

А я – в «Ветерок».

Ветер-ветер, ты могуч, ты колюч, живуч, пахуч. Какой здесь все же запах потрясающий. На юге море так не пахнет, хотя вроде там и соли больше, и гадов всяческих морских.

Располагаемся, естественно, на улице. Свободных столиков, конечно, нет. К кому подсаживаемся? Эти два друга на уже пьяны, и как-то неприятно, тяжело пьяны. Сидят, уставились друг другу в хари, а хари – мама не горюй какие. Не будем нарушать их тет-а-тет. Эта компания уж чересчур крикливая. Точно, из Калининграда. Понаехали тут всякие, места в кафешках занимать. Эта романтическая парочка вполне прилична, только я им на фиг нужен. Девицы пошловаты. Здесь ребенок невоспитанный какой-то, вот, мороженое по столу размазал. Немцы. Да, пожалуй, немцы. С ними разговаривать по крайней мере не придется. Тем более что я, как всякий россиянин, знаю по-немецки только лишь «аусвайс» и «хенде хох».

Нет, еще один стишок..

*Ауф дер маур, ауф дер маур,
Зицен кляйне ваниц.
Я ношу все время траур,
Я хочу коснуться вас.
Я уже почти не верю,
Что мне даден этот шанс.
Ауф дер маур, ауф дер маур,
Зицен кляйне ваниц.*

Вроде бы Карл Маркс посвятил эти строки Женни Маркс, когда еще ухаживал за ней. А весь ауфдермаур переводится так: «Белый лебедь коснулся крылом легкой воды при-боя». Непонятно, причем здесь прибор, ну да шут с ним. Карлу Марксу виднее. Может быть, эта Женни лебедя играла в каком-нибудь любительском спектакле. А мне этот стишок один приятель рассказал – и вот, пожалуйста, запомнилось. К моим мозгам вообще всякая чушь притягивается, будто магнитом. Подобное к подобному, наверное.

Так, поглядели на немцев. Вежливо и вопросительно. Дескать, я вам не помешаю? Закивали. Дескать, нет, не помешаешь, добрый человек. Он, как обычно, стройный, худощавый, с фальшивыми зубами и искусственным загаром. Она – с какими-то немислимыми розовато-синеватыми кудряшками и в шортах. Перед ним – кружка пива, перед ней – стакан негазированной минеральной воды. Словом, немец – и в Африке немец. А здесь и подавно.

У них вообще тут экстремальный ностальгический ту-

ризм. Ностальгический – потому что они тут жили до советской депортации. А экстремальный – потому что дохнут на экскурсиях как мухи. Подведут их к домику какому-нибудь и начнут рассказывать – кто здесь жил, чем занимался, во что детки их играли, какой шнапс папашка пил. А какая-нибудь немка в шортах раз – и на Кавказ. От избытка чувств. Оказывается, ей про ее же детство и рассказывали. Тут у каждого экскурсовода свой погостик маленький имеется.

А вот и мой официант. На этот раз Сережа. Улыбается, меню несет.

– Здравствуйте.

– Привет-привет. От чтения, пожалуй, воздержусь. Записывайте сразу. Два бутерброда с красной рыбой, салат из кальмаров и кенигсбергские клопсы. Только клопсы не сразу, минут через тридцать. Триста граммов «Великого посольства» с черной этикеткой, бутылочку зеленоградской минералки, с газом, разумеется, и лимон порезать дольками по полкусочка, чтобы он в стакан влезал.

– То есть все как обычно?

– Да, конечно. Восхищаюсь вашей прозорливостью.

Между прочим, при всей кажущейся простоте заказа это совсем-совсем не то, что вам представилось. Красная рыба – это не форель какая-нибудь и не семга, а замечательнейший, ароматнейший пионерский лосось. То есть лосось, который ловят и засаливают в городе Пионерске, бывшем Нойкурене.

Масло на бутерброде вкуснейшее, от ленивых и экологически чистых балтийских коров. Кальмары не баночные, а какие-то свежевареные, похоже, даже и не замороженные, пахнущие йодом, водорослями. Ну, словом, морем пахнущие. А клопсы – вообще произведение искусства. Пара громаднейших пышных котлет и пюре из картофеля с каперсами. А к ним еще и миска с овощным салатом.

Да и минералка из Зеленоградска на мой вкус не хуже, чем «Боржоми». И «Великое посольство» очень даже ничего.

А вот и бутерброды. Как они сегодня быстро. Ну и дальше что? А где же рюмочка? Нет, не бывает в мире совершенства. Еда недорогая, потрясающего качества, зато какой-то бестолковый менеджмент. В смысле обслуживание.

– Извините, с барменом задержечка вышла. Сейчас все принесу.

Ишь ты. Знает кошка, чье мясо съела. Не без моей, однако, помощи. Я уже несколько раз им объяснял, что первым делом нужно приносить напитки. И, надо сказать, добился своего. Носят все так же, как бог на душу положит, но при этом извиняются. Получается, что жизнь моя уже прошла не зря.

А вот, кстати сказать, и девица. Да, и впрямь небольшой городок. У ты, рыжик, на пляж собралась. Мордочка сосредоточенная, шортики и ножки очень даже ничего. И какой-то нелепый пакет. Ну что это за гадость – «Фея домашнего очага». Магазин, наверное, какой-то. Сковородками, на-

верное, торгуют, соковыжималками для цитрусовых.

Да, со вкусом у девицы есть проблемы – и не шуточные. Впрочем, в этом мы уже имели счастье убедиться.

Так, немножко пируем, затем забегаем в гостиницу, переодеваемся, берем большое полотенце – и на море. И девица здесь, конечно, ни при чем. Просто день явно разыгрывается: уже и солнце припекает, и ветра вроде нет. Глупо по такой погоде в кабаках торчать. А выпить и на пляже можно.

4.

Итак, традиционный выбор транспорта. Ползти на пляж пешком, естественно, не хочется. Значит, либо лифт, либо фуникулер. Тот и другой – мечта акрофоба. К верхней площадке лифта ведет мостик над глубокой бездной. Узенький такой, но длинненький. С низенькими перильцами. Мне где-то по бедро. То есть, не дай бог споткнешься, поскользнешься – и привет тебе горячий.

Все равно что на экскурсию ходил.

Фуникулер – тот тоже не подарок. Там пусть и не такая бездна, как у лифта, но вообще-то, если падать, все равно – пять метров или пятьдесят. А еще фуникулер ужасно старый и скрипит.

Но ничего. Лекарство от акрофобии я уже принял, запил зеленоградской и заел лососем с клопами. Так что выбираем... Например, фуникулер. Он как-то позанятнее, а в лифте можно и в Москве поездить.

– Один билет, пожалуйста.

– Пожалуйста.

Интересно, сколько лет этому деду. Он, по-моему, работает здесь с первых дней существования фуникулера. По крайней мере, когда десять лет тому я в первый раз приехал в Светлогорск, он тут уже был при билетах. А впрочем, что гадать – в следующий раз просто спрошу, и все.

Так, наверное, сегодня я поеду не один. Что поделатъ, солнце вышло – сразу очередь на фуникулер. Одиночным ездокам находят пары.

А вот и мой попутчик. Тоже, видимо, из местных. Даже не калининградский – светлогорский. Взгляд отрешенный какой-то, а из принадлежностей – полотенце одно. Истинный курортник так на пляж не ездит. У него безразмерный пакет с одеялом, парой полотенец, средством от загара, пивом, картами, каким-нибудь дурацким детективом. А этот – налегке. Полотенце через шею переброшено и бутерброд с колбасой на отлете. Смотрит на меня, жует свой бутерброд и ждет чего-то. Вот неловкость. Надо ему что-нибудь сказать, наверное.

– Как колбаска?

– Ничего. Хорошая. Любительская. Я ее не в палатке – в настоящем магазине покупаю.

Точно, местный. Ни один нормальный отдыхающий по магазинам не пойдет.

– А что ж вы лосось не едите? Это же пища богов – пио-

нерский лосось.

– Знаете, что я вам скажу. Послушайте-послушайте. Моя соседка три месяца назад купила рыбу. И отравилась.

Вот зануда-то. Сейчас он будет мне в подробностях описывать понос соседки.

– Отравилась, и решила – само все пройдет. Три дня врача не вызывала, а ей все хуже и хуже. На третий день не выдержала, ближе к вечеру позвонила в скорую – ее в больницу увезли. Наутро она умерла.

– О, господи. Кошмар какой.

– Это еще не все. На похоронах ее муж сказал, что без нее и месяца не проживет. Его все успокаивали – здоровый мужик, все наладится. А он ни в какую. Умру, говорит, и точка. И что вы думаете? Через две недели у него инфаркт. Миокарда.

– Понятно. Какой же еще.

– Да вы послушайте-послушайте. Его в больницу увезли, и он там умер. Тоже наутро. Как и обещал.

Ну и ну. Вот маньяк. Просто триллер какой-то рассказывает. Хорошо, что уже к пляжу подъезжаем. Вот и табличка: «Вокруг шкива не объезжать». Она тут, наверное, как билетер. С основания фуникулера.

Так. Раскрываем двери. Спрыгиваем.

– Счастливо. Приятного купания. И вкусной колбасы.

– Нет. Вы дальше послушайте. У них остался сын. Сын безработный.

Вот ситуация дурацкая. Иду, а этот сзади тащится и все свою историю бубнит. Да громко так. Тоже мне, пляжное радио.

– Сыну на что-то надо жить. Он взял отцовскую машину и выехал извозом заниматься. И на второй день врезался в дорожную бэ-эм-ве. С него потребовали денег. А у него денег нет. Так он украл в доме у своего дружка коробку с золотыми драгоценностями. А его нашли и посадили. Вот суд недавно был. Пять лет общего режима. А с чего все началось? С рыбы.

– Ясно. Спасибо вам, что просветили. Теперь я рыбе даже руку не подам, не то что есть ее. Кстати, вы уверены, что это был именно пионерский лосось?

– Как это так – пионерский лосось?

– Ну из Пионерска, рядышком со Светлогорском.

– Ни в чем таком я не уверен. Соседка рыбу в Ховрине купила. Там рынок рядышком со станцией. На севере Москвы.

О, господи! Ну и кретин. И никакой, оказывается, не светлогорский, а московский.

5.

Да, а народу набежало, будьте нате. Что, они все стояли со своими полотенцами, погоду караулили?

Так. Выбираем свободное место. Чтобы недалеко от моря. Чтобы подальше от детей – ну не люблю я, когда мне на морду всякие мячи швыряют и бутылочки от пепси-колы. Чтобы

окурков поменьше. Ладно, шут с ними, с окурками. Их везде одинаково много.

Расстилаем полотенце. Мажемся противным и вонючим кремом. Интересно, этот запах специально подбирали так, чтоб осы на него летели? Пять минут впитаться крему. И вперед, покорять водяные просторы вселенной.

Сколько там градусов, в воде? Вроде семнадцать? Хорошо хоть не по Фаренгейту. Ну да ладно, нечего тут привередничать. Сам выбрал Светлогорск, ведь не поехал в Сочи. Парился бы там сейчас – сорок пять градусов на солнце, и никаких вам лифтов и фуникулеров. И каменистый пляж.

Там тепловой удар, а здесь – простуда. Каждый выбирает для себя.

А вот и долгожданная волна. Еще волна. Еще. А кто это храбрый такой вокруг бакена плавает? Ну надо же! Рыжик. И не боится, что замерзнет, что устанет, что очки потеряет. Что ж, поплывем встречным курсом.

– Простите, пожалуйста, я могу вам сказать одну вещь?

О как! Сама к знакомству набивается.

– Попробуйте. Хотя, на мой взгляд, вещи носят, а не говорят.

– Ой, это вы! В смысле, это вы мне вчера помогли в «Белой лошади»?

– Да, вы угадали. Правда, внешность у меня запоминающаяся?

– Наверное... Не знаю... Я вообще людей запоминаю

очень плохо – сами понимаете, с таким-то зрением. Вас я узнала по манере говорить. Очень необычная манера.

Так. Вот уже и комплименты принимаем. Просто замечательный сегодня день.

– Что ж, тогда продолжим диалог. На мой вкус, погоды стоят неплохие.

– Извините, но боюсь, что сейчас не до светских бесед. Видите вот эту лодочку рядом с буйком?

– Что ж, интересная тема. Да, вижу.

– Похоже, с ней не все в порядке.

– В смысле?

– В смысле, что покойник там.

Казалось бы, не дура. Хотя, почему мне знать? На ней ведь не написано. Впрочем, написано. Фея домашнего очага.

А лодочка обычная. Так себе лодочка. Похоже, здесь, на пляже взятая. Тут можно крейсер при желании арендовать, не только лодочку.

– Простите, а с чего вы собственно решили? Вы только что оттуда, надо полагать?

– Именно. Я только что оттуда.

Нет, пора, наверное, прощаться. Сколько можно тут страшилки слушать? Да опять неловко. Ладно. Ничего. Как-нибудь разберемся.

– Сыщики в таких случаях обычно спрашивают: «Это вы его убили?» Я, разумеется, не сыщик, просто так интересуюсь: это вы его убили?

– Нет, конечно. Зачем мне его убивать?

– Просто вы – самая подходящая кандидатура. Для чего-то к нему в лодку забрались. Знаете, к покойникам обычно в лодку не заходят. Значит, он поначалу был живой? А после умер? Кто он вообще-то вам?

– Клиент.

О как. Сказала и зарделась. Прямо посреди этого холода зарделась. Уметь надо. Правда, говорят, у рыжих тут никаких проблем.

– Нет, это совсем не то, что вы подумали.

– А что, простите, я подумал? Просветите, а то я не в курсе. Если вы подумали, что я подумал, что ваша специализация – проституция в лодках, то вы попали пальцем в небо. Слишком экзотично. Даже, знаете ли, для вас.

– Извините. Я же вас совсем не знаю. Я не знаю, что вы можете подумать.

– Ладно. Прости. Это вы извините. Кстати, а кто вы?

– Я психолог. Практикующий.

Да. Дела.

– А что, бывают и не практикующие?

– Конечно же, бывают. Теоретики, преподаватели. А у меня свое бюро. Клиентов принимаю.

– Насчет клиентов я уже усвоил. Этот тоже ваш клиент. Кстати, а что с ним? Что вообще произошло? И вот еще: а вам не холодно? Давайте лучше к берегу. Там и продолжите свой увлекательный рассказ.

– Нет, на берегу нельзя. Я, как только выйду, сразу же должна буду пойти в ближайшее кафе, звонить в милицию. Нельзя, чтоб отдыхающие видели, что перед этим я что-нибудь с кем-нибудь долго обсуждаю. А они увидят, это точно. Могут и здесь, конечно, разглядеть, но вероятность все таки меньше. Не знаю насчет вашей внешности, но мою, как правило, легко запоминают.

– Да уж, вас невозможно забыть. Что ж, рассказывайте.

И вот опять передо мной вполне спокойная, даже самоуверенная девица. Психолог как-никак. Не пес начал.

– Я вообще-то отдыхать приехала. В пансионат «Солнечный камень». Так вот, вчера за завтраком со мной за стол сел пожилой мужчина. Мы разговорились. Оказалось, что он в прошлом то ли летчик, то ли авиадиспетчер – что-то такое, я не поняла. Не отдыхающий – живет здесь, в Светлогорске, а столуется в «Янтарном берегу». Там у него знакомые какие-то работают. Я тоже рассказала, кто я. Он заинтересовался, все расспрашивал, какой у меня стаж, что за клиенты.

– Основательный покойник.

– Я прошу вас, не перебивайте. Мне и так немножечко не по себе.

Немножечко. Да уж. Кстати, сюжет-то все больше походит на правду.

– В общем, я все ему рассказала – скрывать-то мне нечего. А сегодня он опять пришел на завтрак и сразу же подсел ко мне. Сказал, что наводил обо мне справки – ничего особен-

ного, просто в интернете посмотрел. Сказал, что доверяет мне, и попросил помочь. Дескать, последнее время его стало что-то тревожить. Мы договорились встретиться на пляже, у входа в «Дом рыбака». Я пришла – он уже ждет. Стал приглашать в кафе, но я отказалась – неизвестно, что за ситуация, не хотелось сразу одолжаться.

– Могли бы и не одолжаться. Вы ведь, похоже, не нуждаетесь.

– Он, думаю, относится к маскулинному типу людей. Такие люди очень глубоко переживают все сомнения в их мужественности. Это тип мачо, понимаете?

– То есть, если девушка за себя платит, значит, он неполноценен как мужик?

– Да. Понимаете сами. Сама за себя заплатить не могу – он замкнется, закомплексует. Они, эти усатые мачо, и так закомплексованы донельзя. А ему позволить платить тоже не могу – мало ли что за история. Обычно такой тип старается играть в великодушие, а на деле думает, что если он купил кому-нибудь дешевенький стакан пломбира, то ему за это должны чуть ли не жизнь свою отдать.

– Так зачем же вы ввязались, если сразу было видно, что это за фрукт?

– А я вообще стараюсь не отказываться от клиентов. Тем более – на отдыхе обычно скучновато.

Да уж. Теперь ты, рыжик, не соскучишься.

– И что же дальше?

– Почти что ничего. Он предложил взять лодку у знакомых. Это можно – если он не платит деньги, значит, ты перед ним не одолжаешься.

– То есть в кафе сидеть опасно, а залезть вдвоем в какую-то там лодку и уехать шут знает куда – не опасно?

– Не опасно. Понимаете, такие типы не обидят женщину. Ну, напрямую не обидят. Зато в лодке создается атмосфера доверительности. Это очень важно.

Атмосфера доверительности. Ха-ха-ха.

– Так вот. Заканчиваю. Только мы отъехали, только он начал говорить, как что-то пропищало. Тихонько так пропищало. Он ойкнул, схватился за локоть, сказал что-то про комаров, которые даже на море достают, а после стал заваливаться на бок. И все. И умер. Я – сразу же в море. А тут вы.

– Ну да. Мне тоже повезло сегодня. Так чего же вы хотите-то?

– Мне так неловко. Вы уже вчера мне помогали...

– Молодца! Сейчас самое время обсуждать вашу неловкость. Поразительное чувство ситуации.

– Какой вы все-таки великодушный человек!

Что это? Комплимент или диагноз, учитывая рыжиковскую профессию?

– Я хочу вас попросить об одной вещи. Сейчас мы выплывем на берег – разумеется, порознь. Я пойду звонить в милицию, а вы бегите в город и купите фотоаппарат. Какой-нибудь получше, подороже, я потом все оплачу. Время у вас

есть. Пока милиция приедет, пока его на берег вытащат... Тут, разумеется, толпа зевак. И вы в толпе – как будто бы обыкновенный отдыхающий. И сделайте как можно больше фотографий трупа.

– Что, на память о счастливом лете?

– Вы вообще не можете не ерничать? Во-первых, я его получше рассмотрю. Ведь по чертам лица можно узнать довольно многое о человеке, а в жизни я могу их разглядеть только на расстоянии в десять – двенадцать сантиметров.

– И вы в своем психологическом бюро такое практикуете?

– Да, у меня в стену встроен фотоаппарат. Но главное даже не это. Сами понимаете – я буду для милиции первой подозреваемой. Боюсь, они других как следует даже искать не будут. Мне самой придется.

– Что самой?

– Как что? Найти преступника.

– А вы, простите, детектив? Это же вроде непростое дело.

– Нет, конечно, я не детектив. Мне просто больше ничего не остается.

– И как вы собираетесь выслеживать преступника? С вашими, скажем так, специфическими физическими особенностями.

– Пока не знаю. Я потом подумаю. Сейчас главное – фотографии.

– Ладно. Я вам буду помогать. Буду вашим Арчи Гудвином, доктором Ватсоном и Деллой Стрит в одном лице.

– Простите, кем?

О, боже! Она собирается вести самое настоящее расследование, будучи совершенно незнакомой даже с выдуманными!

– Я вам потом об этих людях расскажу. Если дадут свидание. А сейчас я, знаете ли, тороплюсь. Лавры Александра Родченко мне не дают спокойно спать...

– Родченко – это кто?

О, боги!

– Я потом вам расскажу. При случае. Кстати, мы с вами еще не познакомились. Меня Кирилл зовут.

– Инесса.

Господи!

6.

Так. Полотенчико сворачиваем – и в гостиницу. Деньги в карман – и на шопинг.

Интересно, ну и где же тут у них торгуют фотоаппаратами? Да не простыми, а которые получше, подороже? На пляже точно нету ничего подобного. На главной улице – одни ларьки. Город курортный – по большому счету тут не нужно больше ничего. Ах, да, у них же есть универмаг. Вот уж не думал, что когда-нибудь туда пойду.

– Простите, девушка, у вас тут есть что-нибудь наподобие салона фототехники или там электроники какой-нибудь?

Ага. Сейчас вам «Партия», «М-видео» и «Фото ру» в од-

ном ларьке. По-моему, тут одни польские носки и сковородки из Китая. Ближний свет – Китай. Это через сколько же границ нужно везти всю эту музыку? Хотя, наверное, они по морю возят. Через Северный полюс.

– Да, конечно. Вот, пройдите на второй этаж.

Ну надо же!

Выбор невелик, но он, похоже, есть. Ага. Вот этот вроде ничего. И этот тоже. Знать бы еще, который из них лучше? Или просто купить самый дорогой? Благо, не на свои.

Так. Где продавец? Нет продавца. А время поджидает. Вот ведь город безалаберный. Ну, конечно, ведь кроме меня тут никто никуда не спешит. Одна надежда – что милиция тоже придет где-нибудь под вечер. А ведь тут, похоже, еще очередь. Ну, не очередь, а так – еще одна девица. Маленькая, веснушчатая и в громадной кепке. Явно тоже из Москвы. И тоже цифровые мыльницы разглядывает. Продавец придет – она вроде как первая.

А продавца все нет и нет. Зато девица вроде бы отстала от фотографической витрины. Пошла гулять по этажу. Конечно, здесь так много интересного. Вот, кошельки по 350 рублей. Натуральная кожа. И сделано вроде не очень коряво. Только вчера видел точно такие же, но в другом магазинчике. И тоже по 350. И в таких же коробочках. Там на ценнике было написано – «Турция», а здесь «Чехия». Вот и верь после этого людям.

– Простите, вы что-нибудь выбрали?

Это девица веснушчатая. Интересуется. Может быть, хочет совета спросить?

– Выбрал. Взорвать весь этот магазин к чертям свинячим. Чтобы фотоаппараты разлетелись по всему этому городу.

– Да что вы говорите! Что же вам не нравится?

– Да то же, что и вам? Вы тут давно стоите?

– Я? Вообще-то говоря, с утра. С открытия.

Однако.

– И что, все это время никого здесь не было?

– Почти никого. Так, подойдут, поглядят – и уйдут. Чтобы всерьез заинтересоваться – это вы первый пришли.

– Пойдите. Так вы посетительница или кто?

– Я продавец.

– Так что же вы не за прилавком-то стоите? Я пятнадцать минут вас тут жду! Весь извелся!

– Так ведь за прилавком скучно. Надоело. И народу никого.

Ладно. Вроде за прилавок забралась. Небось, еще не разбирается ни в чем.

– Мне, знаете ли, нужно что-нибудь, во-первых, цифровое, во-вторых, неприметное, а в-третьих, дальнобойное.

Ну, началось. Шпион и папарацци Кирилл Митрофанович Саратов выходит на тропу войны.

– Скажите, какой суммой вы располагаете?

Так. Черная икра, джин-тоник, осетрина – наш ежедневный рацион.

– Да это, в общем, не существенно. Допустим, долларов пятьсот.

Оп-ля! Улыбка до ушей. Да, милая бездельница, сегодня, видимо, твой день. Среднестатистический клистиропотребитель тут, небось, довольствуется скромной мыльничкой без зума, а возможно, и без объектива.

– Вот, обратите внимание. Новая модель. «Панасоник».

– Может, лучше все-таки какой-нибудь там «Кэнон» или «Никон»? Все-таки «Панасоник» – это магнитолы, телевизоры, ну, холодильники на крайний случай. Может, у вас есть какая-нибудь фирма посOLIDнее?

– Нет, что вы, что вы! Это заблуждение! Вы только представьте себе! Двенадцатикратный зум! Не цифровой, а оптический! Суперзум! Вы такое когда-нибудь видели? И объектив – «Лейка».

Понятно. С лейкой и блокнотом. Гимн цветоводов-исследователей. Но двенадцатикратный зум – это, конечно, сила.

А вот и он. Черенький такой весь, сбитенький. Посмотрим, что за зум. Однако! Телескоп какой-то.

Ладно, не корову покупаю. И, тем более, не на свои. Расходы возместит Инесса, практикующий психолог. Почему-то я практически уверен, что возместит. Такие не обманывают. Тем более с такими редкими особыми приметами.

Хотя, что приметы? Волосы покрасить можно, стиль одежды поменять на офисный, очки заменить на линзы. Интересно, существуют ли такие линзы? Вряд ли. Если бы

существовали, то она давно бы их носила. Или, может, они в море потонули?

Нет, исключено. Ну не тянет она на мошенницу, тем паче на убийцу. Да и вообще, чего я дурью маюсь! Не может быть затея с фотоаппаратом разводиловом. Тем более он остается у меня. В крайнем случае, обратно сдам. Скажу – не подошел. Слишком уж громкий. Или слишком тихий. Или слишком легкий. Да неважно что – имею право.

А может, и сдавать не буду. Почему бы мне и не обзавестись приличным фотоаппаратом? Пусть и «Панасоником».

7.

Так. Похоже, я вовремя. Вот он, наш герой. Я убью тебя, лодочник.

А милиция, однако же, не дура. Территория оцеплена. Зевак не наблюдается. Кому какое дело! Люди отдыхать приехали, ловить редкое прибалтийское солнце. Отвлекаться на какую-то возню никто не собирается.

Мало ли что там. Может, изучение флоры и фауны. Морской и сухопутной.

Так, достаем свой «суперзум». Какое счастье, что я все-таки ленив. Не побежал пешком под горочку на пляж, а сел в фуникулер, как белый человек. Мне сверху видно все. А я всего лишь глупый отдыхающий, фотографирующий, ну, к примеру, чаек или же соседнюю кабинку. На «Панасонике» ведь не написано, что он такой великий и ужасный.

Хотя вот, написано. Нужно содрать все эти ярлычки.

Да уж, эффект сногшибательный. Кажется, протянешь руку – и смело можешь рвать погоны с милицейских офицеров. Впрочем, нам не до погон и даже не до их носителей. Батарею-то никто не заряжал. На сколько кадров ее хватит? На десять? На три? На один?

А вот и наш покойничек. Ишь ты, какая кисинька. Усищи правда как у школьного военрука. И рожа соответствующая. По части психологии Инесса, видимо, не дура.

Так, что это мы видим... Левый глазик открывается, правый открывается. Потягуши-потягушечки. Ну, вот и ожил наш покойничек – царствие ему небесное, долгих лет жизни. Да, достанется нашему практикующему кашпировскому за ложный вызов или как там это называется. Хотя милиция тут к ложным вызовам относится вполне терпимо, в этом мы уже имели счастье убедиться.

Впрочем, к делу. Я тут не эксперт по вопросам смертей и последующих воскрешений, а всего лишь наемный фотограф. Нужно отрабатывать свой гонорар. Чего-чего, а ужин я с Инессы стребую. И фотоаппарат заставлю выкупить.

Итак, улыбнитесь, сейчас вылетит птичка. Например, пингвин, судя по мощи объектива. Эх, раз, еще раз, еще много-много раз. И Инессу заодно. На добрую, как говорится, память.

Так. Вся компания куда-то удаляется. Видимо, на предмет составления протокола. И Инесса с ними. Влипла девушка,

как пить дать.

Кстати, насчет пить. Пора бы уж и отобедать. Тем более что солнце вновь закатывается за тучу, как, собственно, и должно быть в этом городе.

8.

В гостиницу, конечно, заходить не будем. Да и в город подниматься тоже. Я же не челнок – туда-сюда мотаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.